

Предмет гуманитарных наук в контексте организационной трансформации науки

Вархотов Т.А.

*кандидат философских наук
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

Наука как форма интеллектуальной культуры исторична и характеризуется конкретной организационной структурой, сформировавшейся в ходе социальной институционализации науки в период с XVII по XIX вв. Эта организационная структура, являющаяся наблюдаемой реализацией институционального аспекта науки как конкретно-исторической целостности, тесно связана с другими аспектами существования науки, такими, как эпистемологические, методологические, коммуникативные и процедурные (операциональные) основания. Все вместе они составляют взаимозависимый комплекс объективаций интеллектуальной культуры, фиксирующих науку как конкретно-исторический объект ("форму интеллектуальной культуры").

Классическая организационная форма науки сформировалась к середине XIX в. и включала в себя вертикально-интегрированную систему образования, ориентированную на подготовку научных кадров, оформленную систему взаимодействия с политической властью и, в частности, государственного финансирования научно-исследовательской деятельности, высокий социальный статус ученого, систему профессиональных каналов коммуникации (научные журналы и мероприятия), дисциплинарную структуру и набор типичных ожиданий результатов деятельности научного сообщества.

Гуманитарная наука является наиболее архаичным и окончательно не адаптированным к особенностям новоевропейской интеллектуальной культуры компонентом «большой» науки. Классическую научную форму гуманитарные дисциплины получили по результатам эпохи Просвещения (и, вторично, в середине XX в.). Ключевую роль в борьбе за сохранение за гуманитарными дисциплинами права остаться в системе интеллектуальной культуры и получить статус наук сыграла их роль в воспроизводстве социально-культурной идентичности, - и, соответственно, возможность выступать инструментом культурной экспансии, - а также политический аспект, точно подмеченный П.Бурдьё (способность легитимировать политический порядок).

С эпохи Просвещения и далее вплоть до Второй Мировой войны гуманитарные науки (и примкнувшие здесь к ним общественные) производили "образованных европейцев" и вносили важный вклад в экспансию европейской культуры и оправдание этой экспансии внутри европейского мира и за его пределами. При этом развернувшаяся в XX в. методологическая революция в области гуманитарных и общественных наук, связанная с математизацией и инкорпорированием различных экспериментальных методов в структуру работы гуманитариев, обещала скорое завершение трансформации "недонаук" в полноценные "науки" естественнонаучного типа.

В организационном аспекте позиции гуманитарной науки обеспечивались:

- выраженным европоцентризмом миросистемы: быть культурным (полноценным) = быть образованным = быть европейцем (знать европейские языки, историю Европы, правовую и политическую систему европейского типа и т.д.);
- прикладным значением языкознания ввиду сохраняющейся культурной и языковой дифференциации в сочетании с растущей потребностью в межэтнических взаимодействиях (экономических, политических и т.д.)
- государственной политикой развития образования и культурной экспансии (растущей потребностью в "образованных людях" ввиду колониционных задач и специфики функционирования демократических институтов власти);

- экспертным статусом гуманитарно образованного человека как наиболее репрезентативного носителя (национальной) культуры.

Отметим, что все перечисленные аспекты предполагают национальный характер гуманитарной науки и рассмотрение культурно-образовательной политики в качестве стратегического приоритета государственного развития, что длительное время выступало средством расширения влияния "образованных" стран.

Однако к началу XXI века мы имеем совершенно иную организационную (институциональную) ситуацию, радикально меняющую положение гуманитарного знания.

Стратегический успех колониальной политики и культурно-образовательной экспансии "европейского мира" привёл к глобализации и выраженной тенденции снижения значимости культурных различий и лингвистической дифференциации; национальные культуры постепенно становятся предметом локального любопытства и утрачивают свою значимость за пределами локальных сообществ. Мир становится относительно единой территорией противостояния нескольких нелокальных культур, для которых языковые и культурно-исторические барьеры не являются определяющими, поскольку их взаимодействие разворачивается на других уровнях воспроизводства, зависимость которых от традиционных гуманитарных предметов не очевидна.

Экспертные позиции научного сообщества сильно подорваны как растущей коммуникативной дезорганизацией самой науки (следствие того, что Т.Кун называл "эзотеризацией"), так и возникновением ранее не существовавших экспертных групп из сферы массовой культуры, успешно конкурирующих с учёным в борьбе за социальное влияние ("общественное мнение"). Здесь учёный гуманитарий оказывается в особенно уязвимом положении, поскольку сфера его компетенции ("человек и социальный мир") является сферой человеческого общежития, и на неё, - в отличие от высокоспециализированных проблем естественных и инженерных наук, - претендуют решительно все социально активные граждане, число которых растёт по мере упрощения доступа к системе массовых коммуникаций.

Образование и культурная экспансия теряют статус стратегических приоритетов государственного развития. Это - следствие иллюзии успеха успешной европеизации мира. Поскольку быть образованным (= "европейцем") превратилось в институциональную ценность, государства стремятся переложить на граждан ответственность за образование и экономизировать этот институт, забывая, что наблюдаемый успех держится на 200-летней образовательной политике, от которой мы пытаемся отказаться, и о том, что проблема общих благ не имеет решений рыночного типа.

Под влиянием стратегической тенденции прогматизации и инструментализации науки (превращения её в фабрику, по выражению К.Кнор-Цетиной), в XX в. постепенно закрепился стандарт экспериментального предъявления предметного поля и результатов научной работы. Гуманитарные дисциплины, ограниченные или полностью лишённые возможности оперировать прямым экспериментальным предъявлением, тем самым, вызывают (как уже бывало и ранее) сомнения в существовании собственных предметов и возможности получения значимых (в современном, технологическом понимании этого слова) результатов.

Наконец, развитие наукометрических подходов к фиксации и оценке научной деятельности, помимо общих для всей науки проблем - "журнализации" науки (тяги к сенсациям и радикализации выводов, публикации непроверенных данных и т.п.), замены содержательной работы усилиями по умножению числа публикаций, присвоению статуса ведущих ученых шарлатанам и популяризаторам (чаще всего цитируют тех, кого критикуют, и тех, кто наиболее понятен и прост), отсутствие содержательной оценки собственно научного результата работы и т.д., - обострило ряд специфических проблем гуманитарной науки.

Гуманитарные науки национальны, они привязаны к конкретному культурно-историческому содержанию и языку изложения, пласт инвариантного, внеисторического содержания в них тонок и плохо поддаётся локализации (абстрагированию). В такой ситуации ставка на транснационализацию и показатели цитирования, по сути, означает геноцид национальной науки и легализацию европоцентризма в его наиболее жесткой форме: что не принадлежит пространству английского языка и культурного ареала, то исключается из науки - как минимум, маргинализируется. Кроме того, специфика задач гуманитарного исследования требует больших информационных форм (монографий) для профессиональной коммуникации, а эти средства научной коммуникации маргинализируются и становятся невыгодными для ученых. В результате действующая система оценки научной деятельности прямо способствует деградации гуманитарной науки и замещению её популярной журналистикой.

По сути, предмет гуманитарной науки исчезает, превращаясь в музейный объект и уступая небольшой "нерастворимый остаток" экспансивным общественным наукам - прежде всего, экономике, наиболее агрессивные версии которой в рамках программы "экономического империализма" стремятся полностью взять на себя функции изучения и объяснения социального мира.

В заключение наметим несколько задач, которые придётся в ближайшем будущем решать гуманитарной науке:

1) Предметно-методологическая ревизия. На данный момент гуманитарные науки, по сути, являются науками без предмета, - их методологические средства способны лишь очертить территорию, преобразование которой в дисциплинарные предметы, конституированные специфическими процедурами предъявления и связанные с определенными комплексами методов, - дело будущего. Без решения этой задачи гуманитарная наука продолжит терять социальное доверие, в том числе внутри научного сообщества.

2) Переход к двуязычной форме дисциплинарного воспроизводства. В условиях приобретения английским языком статуса метаязыка научной коммуникации (при всех минусах этого события), сохранение национальной гуманитарной науки в монологичной форме означает изоляцию и провинциализацию. С другой стороны, переход к использованию английского языка как основного будет означать отказ от национальной гуманитарной науки и, в конечном счёте, национальной культуры. Поэтому современный гуманитарий должен работать одновременно минимум в двух языковых средах - собственной и англоязычной. Это позволит как воспроизводить национальную науку, так и, в перспективе, опосредованно решать задачи культурной экспансии и формировать инвариантный (нелокальный) пласт гуманитарного знания.

3) Возрождение национальной культурно-образовательной политики. Без государственного заказа и прямой поддержки социальной системой в форме стратегического инвестирования финансового и символического капитала гуманитарная наука не имеет перспектив. Возможности коммерциализации здесь существенно скромнее, чем в случае естественных, технических или даже общественных наук, поскольку результаты гуманитарных дисциплин представляют собой сложное общественное благо и не имеют прямой (утилитарной) полезности в качестве продукта или услуги.

Гуманитарное знание - важнейшее достижение и ключевой инструмент системы образования как системы воспроизводства культуры, и в этом качестве оно может существовать только в рефлексивной социальной системе, готовой инвестировать в собственное расширенное воспроизводство, а не рассматривающей себя в качестве инфраструктуры производства экономических благ.